

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОЗМЕЩЕНИЯ ПРОТИВОПРАВНОГО ВРЕДА

ЩУКИН А. В.

Белорусский национальный технический университет

Вред, причиняемый противоправным деянием, является подвижной категорией. Его определение происходит с учетом приоритетов и ценностей, сформированных в обществе. Не исключение и международная сфера, где поиск адекватных восстановлению нарушенных прав продолжается. С расширением межгосударственного сотрудничества определение размера вредных последствий правонарушения и их ликвидации рассматривается с точки зрения интересов всех участников международного общения.

Развитие международно-правового регулирования возмещения противоправного вреда связано со значительными особенностями. Изначально в этой сфере получили распространение естественно-правовые взгляды. Гуго Гроций в 1625 г. указывал, что при наличии ущерба возникает естественное обязательство возместить его [1]. Классическое международное право XIX в. испытало в этой области серьезное влияние внутригосударственных правовых концепций. Ф. Ф. Мартенс называл использование учения гражданского права об обязательствах из деликта важной заслугой профессора А.-В. Гефтера [2].

Параллельно с этим в виде общепризнанной практики разрешения споров происходила выработка норм и принципов возмещения вреда, учитывающих специфику межгосударственных взаимоотношений. Растущее стремление государств разрешать противоречия мирным путем привело к широкому распространению практики третейского разбирательства. По данным Н. Н. Голубева, если с 1794 по 1820 г. было 9 случаев третейского разбирательства, то с 1890 по 1899 г. – не менее 41 [3]. До настоящего времени решения международных третейских и судебных органов служат основой международно-правового регулирования возмещения противоправного вреда. Однако не все из них

отвечают характеру современных международных отношений. Многие принятые в прошлом решения отражают прежнюю практику, допускавшую угрозу силой или ее применение.

Нормы, регулирующие ликвидацию вредных последствий противоправного деяния, объединяют наиболее общий принцип полного возмещения вреда. Считается, что согласие государств относительно его содержания выражено в часто цитируемом и применяемом решении Постоянной палаты Международного Правосудия по делу о фабрике в Хожуве. При разработке Проекта статей о международной ответственности Комиссия международного права ООН (КМП) также сослалась на данное решение: «Основной принцип, содержащийся в самом понятии противоправного деяния, – принцип, который, как представляется, установлен международной практикой и, в частности, решениями арбитражных судов, – состоит в том, что возмещение должно, насколько это возможно, ликвидировать все последствия противоправного деяния и восстановить ситуацию, которая, по всей вероятности, существовала бы, если бы это деяние не было совершено» [4].

Вместе с тем существует мнение, что возмещение, не выходящее за рамки ликвидации вредных последствий противоправного деяния, выступает как своего рода откуп за отступление от принятых обязательств и не отвечает потребности обеспечения международного правопорядка. Согласно этой точке зрения, возмещение должно включать дополнительные обременения для ответственного государства, носящие штрафной или карательный характер. Анализ международно-правовой практики позволил Комиссии сделать однозначный вывод, что «компенсация соответствует поддающемуся финансовой оценке ущербу, причиненному потерпевшему государству или его гражданам. Она не преследует цель наказать ответственное

государство, и она не носит намеренного или штрафного характера» [5].

Применение наказания или штрафных санкций признается несовместимым с принципом суверенного равенства государств. А утверждение о том, что возмещение, не выходящее за рамки ликвидации вредных последствий, носит компенсационный характер и не способствует неуклонному соблюдению обязательств, представляется ошибочным. Взятый в отдельности факт причинения вреда еще не влечет обязанности его полного устранения. Если в основе обязательств, возникающих вследствие совершения противоправного деяния, лежит признание, что ответственное государство не должно приобретать какую-либо выгоду, а стремиться ликвидировать причиненный вред в полном объеме, то при осуществлении правомерной деятельности риск наступления вредных последствий может распределяться между их возможным причинителем и жертвой. В связи с этим возмещение может быть менее размера фактически понесенного ущерба. Ст. VI Конвенции о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами, от 29.03.1972 допускает уменьшение объема возмещения вреда, возникшего при осуществлении правомерной деятельности, в то время как «никакого освобождения не предоставляется в случаях, когда ущерб явился результатом деятельности запускающего государства, которая не соответствует международному праву».

Таким образом, международное право защищает интересы государства, затронутые противоправным деянием, проводя знак равенства между причиненным вредом и причитающимся возмещением, что позволяет не только возместить причиненный ущерб, но и обеспечить выполнение международных обязательств.

Принцип полного возмещения предполагает всестороннее выявление вреда, вызванного противоправным деянием. Однако следует учитывать, что последствия его совершения могут относиться к различным категориям. Иногда они обусловлены действием побочных факторов, которые лишь внешне связаны с противоправным деянием. В данном случае требовать у ответственного государства ликвидации ущерба в полном объеме было бы несправедливо.

В международной практике предел возмещения ущерба устанавливается с учетом причинно-следственных связей, существующих между правонарушением и наступившими вредными последствиями. Следует учитывать, что причинная связь представляет правовой, а не просто хронологический процесс выявления природных закономерностей. Ее определение происходит с учетом критериев, выработанных международно-правовой практикой.

В научной литературе и на практике отсутствует единый подход к применению концепции причинной связи. В ряде случаев исходят из того, что возмещению подлежат все прямые убытки, вызванные правонарушением, а не связанный с ним более отдаленный косвенный вред. В этой связи представляет интерес точка зрения специального докладчика КМП Г. Аранджио-Руиса, нашедшая отражение в комментарии к ст. 10 Проекта, попытавшегося решить эту проблему с других позиций. Ссылаясь на отсутствие четких критериев выделения прямого вреда, он указывал: «В международных решениях выражение «косвенный ущерб» использовалось для обоснования решений не присуждать возмещения ущерба. Однако нет какого-либо ясного указания на форму взаимосвязи между событием и потерями, которая оправдывала бы их квалификацию в качестве «косвенных». ... Чтобы ущерб подлежал возмещению, он должен быть связан с противоправным деянием посредством причины и последствия, а ущерб будет связан таким образом с противоправным деянием тогда, когда нормальный и естественный ход событий будет указывать, что данный ущерб является логическим последствием данного деяния, или когда правонарушитель мог предвидеть ущерб, который причинит его деяние» [6].

Из приведенных высказываний выделяются два подхода к определению причинной связи, которые условно можно обозначить как объективный и субъективный. Субъективный подход, принимающий во внимание предвидение правонарушителем результатов своего противоправного деяния, получил широкое распространение преимущественно в странах с англосаксонской системой права. В советской же доктрине к нему было отрицательное отношение как основанному на идеалистическом ми-

ровозрении. В частности, профессор Л. А. Лунц указывал: «Предвидение результата не есть признак для разрешения вопроса о причинной связи, ибо никак нельзя сказать, что человек причинил лишь то, что он предвидел или мог или должен был предвидеть. Предвидение результата своего поведения со стороны действующего лица есть признак существенный для решения вопроса о вине, а не о причинности» [7].

В отличие от этого объективный подход предполагает определение фактического размера вреда, наступившего независимо от воли правонарушителя. В международно-правовой практике можно найти примеры в поддержку каждого из названных подходов. Однако представляется очевидным, что совместить их достаточно трудно, поскольку окончательный размер возмещения будет различаться в зависимости от выбранных критериев (субъективный подход, например, допускает снижение размера возмещения, если правонарушитель не знал и не должен был знать об особых обстоятельствах, приведших к увеличению фактического вреда).

Независимо от различий субъективный и объективный подходы, определяя подлежащие возмещению вредные последствия противоправного деяния, не решают полностью проблемы отграничения ущерба, лишь внешне связанного с противоправным деянием, но возникшего под влиянием других причин. В качестве одной из них КМП выделила в ст. 39 Проекта небрежность потерпевшей стороны. Учет других многочисленных сопутствующих правонарушению причин: экономических, политических, естественных факторов, действий третьих сторон лишен четких критериев и, в конечном счете, производится международным судьей или арбитром, исходя из обстоятельств каждого спора. Отсутствием четких критериев при определении размера противоправного вреда обусловлено частое использование в международной практике таких образных выражений, как «косвенный» ущерб, отсутствие «неразрывной цепи» событий, «отдаленность» потерь, отсутствие «прямой» причинной связи и т. д.

Отсутствие четких правил побудило в конечном счете КМП отказаться от установки жестких критериев для определения причинной

связи. Свидетельством тому служит комментарий к ст. 10 Проекта: «Было бы абсурдным принимать в качестве универсально применимой формулы различные гипотезы причинной связи и пытаться провести разграничительную линию между ущербом, за который причитается компенсация, и ущербом, за который она не причитается. Применение обсуждавшихся выше принципов и критериев может осуществляться только на основе фактических элементов и обстоятельств каждого дела, причем дискреционные полномочия судей или дипломатические способности участников переговоров будут играть решающую роль в определении степени, в которой ущерб подлежит возмещению» [8].

Таким образом, воплощение принципа полного возмещения противоправного вреда на стадии определения последствий противоправного деяния может быть основано на различных критериях, включая фактическую связь вреда с противоправным деянием и его предсказуемость. При этом их использование не позволяет с достаточной полнотой отграничить вредные последствия, не связанные с правонарушением. В этой связи на определение размера возмещения оказывает существенную роль мнение международных арбитров, сталкивающихся с конкретными обстоятельствами каждого спора.

Термин возмещение выступает в качестве родового понятия по отношению к формам ликвидации последствий противоправного вреда, среди которых выделяют реституцию, компенсацию и сатисфакцию. Использование каждой из них не должно основываться на произвольном выборе, способном привести к существенному нарушению интересов каждой из сторон. На решение этого вопроса в первую очередь влияет характер причиненного вреда. Имущественный либо моральный вред, поддающийся экономической оценке, соответствует материальным формам возмещения.

Реституция выступает как первоочередная мера в ряду способов возмещения материального вреда. Выражающаяся в таких действиях, как возврат захваченных ценностей, восстановление разрушенных объектов, освобождение заложников и т. д., она по своему характеру позволяет добиваться полного восстановления

положения, предшествовавшего совершению противоправного деяния. Ее использование должно происходить с учетом интересов потерпевшего государства. Однако в современный период признается, что соблюдение отдельных обязательств в области обеспечения международного мира и безопасности, защиты прав человека, охраны окружающей среды затрагивает интересы всех участников международного общения. Поскольку реституция служит исполнению нарушенного обязательства, ее замена иными формами возмещения в таких случаях становится недопустимой даже по желанию потерпевшей стороны. При обсуждении Проекта статей международной ответственности в КМП отмечалось, что выбор реституции должен происходить с учетом интересов международного сообщества: «Например, если государство-нарушитель допустило загрязнение международной реки в такой степени, которое превышает ощутимый ущерб или которое может быть признано противоправным, и если потерпевшее государство или потерпевшие государства соглашаются принять компенсацию вместо реституции, тогда проигравшей и потерпевшей стороной в данном случае окажутся окружающая среда и международное сообщество» [9]. Право выбора потерпевшим государством реституции не применяется и в тех случаях, когда она ведет к возникновению неоправданного преимущества в ущерб государству, совершившему противоправное деяние.

Компенсация представляет более гибкий способ возмещения материального вреда по сравнению с реституцией, которая обладает рядом недостатков, препятствующих ее использованию в каждом случае. Реституция становится материально невозможной, когда последствия правонарушения носят необратимый характер. Как заметил С. В. Черниченко, восстановление нарушенного правопорядка не означает возвращение фактического положения вещей к тому состоянию, в котором они находились до совершения правонарушения: «Исполнение обвинительного приговора, вынесенного убийце, означает восстановление нарушенного правопорядка, но не может воскресить убитого» [10]. В подобных ситуациях компенсация призвана охватывать весь ущерб либо ту его часть, которая не может быть покрыта рес-

титуцией. Кроме этого, компенсация является единственным адекватным средством возмещения упущенной выгоды, поскольку реституции подлежит только ситуация, предшествовавшая совершению противоправного деяния.

Определение размера компенсации происходит с учетом особенностей причиненного вреда. В зависимости от этого выделяют имущественный и личный ущерб. При потерях имущества в расчет берется его реальная рыночная стоимость на момент утраты. Практика Комиссии по урегулированию взаимных претензий Ирана и Соединенных Штатов Америки позволяет рассмотреть осуществление этого процесса на практике. Помимо свидетельств потерпевшего, Комиссия стремилась выяснить фактическую стоимость имущества, нередко обращаясь к каталогам стоимости товаров и услуг, выпущенным на момент причинения ущерба. Учитывая при этом, что имущество находилось некоторое время в пользовании, ею был установлен понижающий коэффициент, который ограничивал размер компенсации до 75 % от покупной стоимости аналогичного нового имущества [11].

В основу компенсации личного вреда могут быть положены только общие критерии, поскольку всегда приходится сталкиваться с неповторимыми чертами каждой личности. Объектом компенсации выступают причинение физических и моральных страданий, незаконное задержание или любое другое ограничение свободы, пытки, нанесение телесных повреждений. В случае смерти потерпевшего возмещение предоставляется его родным и близким. Например, решением Американско-Чилийской Комиссии от 11.01.1992 компенсация, предоставленная вдове и сыновьям О. Летелиера, убитого на территории США 21.09.1976 агентами правительства Чили, охватывала потерянную ими материальную поддержку, моральные страдания, а также последовавшие за этим медицинские расходы, вызванные ухудшением их здоровья. При определении размера материальной поддержки учитывались жалование с учетом карьерного роста и пенсия, которые бы получил О. Летелиер, оставаясь в живых со дня гибели на протяжении ожидаемого периода жизни (до 2007 г.): всего 1,2 млн дол. США [12].

Предписывая восстановление не только положения, предшествовавшего совершению противоправного деяния, но и которое возникло бы, если бы правонарушение не было совершено, принцип полного возмещения помимо положительного ущерба *damnum emergens*, состоящего в уменьшении имущества потерпевшего, включает компенсацию потерпевшей стороне упущенной выгоды или *lucrum cessans*, состоящей в неполучении выгоды от использования утраченного имущества, возможной при обычных условиях. Компенсация ожидаемой прибыли представляет значительные трудности на практике, поскольку ее установление всегда связано с гипотетическими допущениями, которые к тому же подвержены воздействию экономических и политических факторов. Поэтому ее не следует относить к необходимым элементам возмещения. Например, учитывая сложившееся накануне вторжения в Кувейт сложное экономическое положение Ирака, оказавшее негативное воздействие на прибыльность коммерческих проектов, Компенсационная Комиссия ООН отказывала в присуждении потерпевшим потерянной прибыли, если не предоставлялись убедительные доказательства в возможности ее получения [13].

При определении размера упущенной выгоды используются различные методы. В расчет может браться прибыль, полученная в период, предшествовавший совершению противоправного деяния, самим потерпевшим либо аналогичными коммерческими структурами. Компенсации упущенной выгоды служит также начисление процентов. По поводу их использования в юридической литературе и государственной практике, как правило, поддерживается концепция начисления процента на основную сумму ущерба. При этом нет единообразия в отношении процентной ставки и даты, с которой должен начисляться процент. Представляется, что начисление процента, начиная с даты нанесения ущерба, в наибольшей степени согласуется с принципом полного возмещения вреда, поскольку цель других критериев (начиная с даты подачи иска, с момента вынесения судебного решения) может выходить за рамки компенсации. Например, Ю. В. Манийчук усматривал штрафной элемент в процентах, начисляемых с момента вынесения решения, по-

буждающий ответственное государство к скорейшему возмещению причиненного вреда [14].

Выбор сатисфакции в качестве формы возмещения обусловлен причинением противоправного вреда нематериального характера. Поскольку ущемленные в таких случаях интересы государства с трудом поддаются финансовой оценке, материальные формы возмещения используются лишь как исключение и могут, например, выражаться в предоставлении номинально-символического возмещения.

Понятие морального вреда является спорным. Довольно часто кроме посягательства на достоинство, престиж и честь государства сюда относят и так называемый «юридический ущерб», возникающий в силу самого правонарушения. В частности, отмечается, что такая форма ликвидации юридического ущерба, как предоставление заверений или гарантий неповторения противоправного деяния в будущем может быть обеспечена через сатисфакцию, в силу чего между этими двумя понятиями на практике существует частичное совпадение. Вместе с тем члены Комиссии рассматривали их как различные последствия невыполнения международных обязательств, руководствуясь тем, что сатисфакция относится к прошлому, тогда как гарантии ориентируют на будущее восстановление затронутых правоотношений.

Четко установленных форм, в которых может выражаться сатисфакция, на практике не существует. Довольно часто она осуществляется путем заявления о противоправности деяния, сделанного компетентным международным судом или трибуналом, извинения, которое может следовать от имени должностного лица или главы государства, применения к должностным или частным лицам, виновным в совершении правонарушения, дисциплинарных мер воздействия или их наказание и т. д. Вместе с тем утвердилось твердое правило, по которому сатисфакция должна быть пропорциональна причиненному вреду и не может принимать карательный или штрафной характер. Учитывая это, а также чрезмерные требования, которые выдвигались в прошлом под предлогом получения сатисфакции, КМП установила в п. 3 ст. 37 Проекта общее требование о том, что «сатисфакция не должна быть непропорцио-

нальна вреду и не может принимать формы, унижительной для ответственного государства» [15].

Таким образом, каждая из рассмотренных стадий ликвидации последствий правонарушения служит воплощению принципа полного возмещения противоправного вреда, который проводит знак равенства между причиненным ущербом и размером возмещения. Интересы международного сообщества при этом становятся все более важным фактором, определяющим характер и способы возмещения. В отдельных ситуациях они имеют приоритет по отношению к воле потерпевшего государства, осуществляющего выбор средств восстановления нарушенных прав.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуго Гроций. О праве войны и мира. – М., 1957. – С. 419.
2. Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов. – СПб., 1904. – Т. 1. – С. 436.
3. Голубев Н. Н. Международные третейские суды

XIX века: Очерки теории и практики // Ученые записки императорского московского университета. Юридический факультет. – М., 1904. – Вып. 24. – С. 11–12.

4. Доклад Комиссии международного права ООН. – Нью-Йорк, 2001. – С. 226.

5. Доклад Комиссии международного права ООН. – Нью-Йорк, 1990. – С. 250.

6. Доклад Комиссии международного права ООН. – Нью-Йорк, 1993. – С. 180–181.

7. Новицкий И. Б., Луцк Л. А. Общее учение об обязательстве. – М., 1950. – С. 301.

8. Доклад Комиссии международного права ООН. – Нью-Йорк, 1993. – С. 186.

9. Доклад Комиссии международного права ООН. – Нью-Йорк, 1989. – С. 236.

10. Черниченко С. В. Международное право: Современные теоретические проблемы. – М., 1993. – С. 278.

11. Lillich Richard B., Bederman David J. Jurisprudence of the Foreign Claims Settlement Commission: Iran Claims // AJIL. – Wash. – 1997. – № 3. – P. 459.

12. Contemporary Practice of the United States Relating to International Law. By Marian Nash (Leich) // AJIL. – Wash. – 1992. – № 2. – P. 347–352.

13. UN Doc. S/AC.26/1998/7. – P. 68.

14. Манийчук Ю. В. Последствия международного правонарушения. – Киев, 1987. – С. 36–37.

15. Доклад Комиссии международного права ООН. – Нью-Йорк, 2001. – С. 269.